

«Старые» и «новые» диаспоральные сообщества в современном российском городе¹

И.А. СКАЛАБАН, кандидат исторических наук,
Новосибирский государственный технический университет.
E-mail: Skalaban@corp.nstu.ru

Исследуется характер функционирования и интеграции в российскую городскую среду этнических сообществ Средней Азии и Кавказа. На основе выделенных признаков диаспоры доказываются возможность идентификации этнических сообществ города как диаспоральных и обосновывается их деление на «старые» и «новые». Если для «старых» диаспоральных групп больше значим фактор отношений в городском сообществе, интеграции в политическую и экономическую элиту, то для «новых» – интеграция в городскую среду. Это позволяет охарактеризовать динамику адаптационных и интеграционных процессов в социально-территориальной среде.

Ключевые слова: диаспора, диаспоральное сообщество, мигранты, город, городская среда, межэтническое сообщество

Признаки и характеристики диаспоры и диаспоральных сообществ

Постоянный приток мигрантов в крупные российские города, рост качественного многообразия сетевых взаимодействий внутри сообществ, объединенных по этническому, религиозному и культурному признакам, появление устойчивых иммиграционных групп в городской среде способствуют образованию диаспор. Особенности процессов этнической или региональной гомогенизации диаспоральных групп, складывающаяся структура и характер отношений внутри диаспор и между ними создают в каждом городе уникальное межэтническое сообщество и соответствующий ему социокультурный ландшафт. Эти процессы активно идут не только в России, но и во всем мире, превращая диаспоры в значимый фактор политических, социально-экономических процессов на всех уровнях общественных отношений, от локального до глобального [1–5].

¹ Работа выполнена за счет гранта РГНФ (РФФИ), проект № 16–03–00144.

Казалось бы, если в городах присутствуют миграционные притоки, имеются устойчивые этнические группы, значит, есть и диаспоры. Однако далеко не все исследователи разделяют такую точку зрения. Их сомнения основываются на специфике понимания и выделения значимых признаков диаспоры, в отношении которых в современном научном сообществе нет консенсуса.

Если представить в виде шкалы всю широту современных научных взглядов на диаспору, то они расположатся в диапазоне от знака равенства между миграцией, этническим рассеянием и диаспорой [6] до придания диаспоре исключительных свойств, выходящих за пределы характеристик обычной этнической группы. Последнее позволяет ряду исследователей ставить под сомнение сам факт существования в современной России классических диаспор или возможность применения всей совокупности их признаков к этносообществам крупных российских городов, мотивируя это тем, что этническим группам свойственна разная степень развитости диаспоральных признаков [7; 8. С. 16].

Неоднозначность оценок прослеживается и в вопросе локализации диаспоры. Одни авторы указывают на неуместность применения в отношении этнической группы отдельного города категории «диаспора» как представляющей собой часть народа, проживающего вне страны исхода, и предлагают заменить его терминами «диаспоральная общность», «диаспоральное сообщество», «диаспоральное социальное образование».

Если принять такую позицию, то диаспоральные сообщества городов, где находятся устойчивые этносообщества, можно рассматривать как органическую часть диаспоры. Таким сообществам свойственны как общие для диаспоры, так и уникальные характеристики, формирующиеся под влиянием политической, экономической, социокультурной среды конкретного города, региона и влияющие на эволюцию этнических сообществ. Их выделение может позволить анализировать состояние и прогнозировать развитие этнических и диаспоральных сообществ и характер их влияния на межэтническое сообщество города. Однако важно помнить о наличии угрозы «овеществления этнических групп» [9. С. 28], что требует особой осторожности в работе с материалом и поиска адекватных показателей присутствия диаспоральных сообществ и процессов диаспоризации.

Диаспора относится к разряду категорий, которым свойственна сегодня активная дисперсия значений в семантическом и концептуальном пространствах [10. С. 63]. Не случайно многие современные российские исследования начинаются с анализа подходов к ее конструированию [1, 2, 8, 11–14]. При этом почти неслучайно стала апелляция к сложному характеру диаспоры. «Диаспоры подобны тексту с уникальным и зачастую противоречивым нарративом», заметил А. Бра [15. Р. 180]. Наряду с пониманием диаспоры как специфического типа группы или сообщества она сегодня конструируется и как практика, и как множество диаспорных проектов [16. С. 63], и как стиль жизни [17], и как совокупность накладываемых друг на друга пространств [18].

Наибольшее распространение и признание в научном сообществе получили ее признаки, предполагающие наличие:

- совокупности индивидов единого этнического происхождения (одной или родственных национальностей), живущих в иноэтническом, социокультурном окружении [6; 1. С. 121; 19. С. 86], фиксированных территориальных пространствах за пределами исторической родины [6, 15];
- особого типа идентичности, основанного на отличиях от населения «принимающего» государства и осознании общего с ним будущего [6] при относительной замкнутости и самодостаточности;
- формальных и неформальных коллективных связей, групповой солидарности [6; 17. С. 38];
- устойчивых институтов, социальных организаций для сохранения и развития этнической общности, самобытности, артикуляции этнических интересов [12. С. 37; 13. С. 15; 20], защиты и поддержки своих членов в соответствии с менталитетом диаспоры [8. С. 7], в том числе и через борьбу за публичную идентичность [21. Р. 84];
- коллективной и индивидуальной исторической памяти, мифологии [6; 15. Р. 180; 22];
- связей со страной исхода, при скорее символическом, чем реальном возвращении на родину [14; 1. С. 121].

Таким образом, потенциал устойчивости диаспоры и диаспоральных сообществ определяется их способностью к самовоспроизводству, самоорганизации в местных условиях [6]; к гибкости,

адаптивности [1. С. 121]; возможностью включать, интегрировать новые миграционные потоки, инкорпорировать мигрантов в местную, городскую среду, защищать их интересы [8], влиять на принимающее сообщество, в том числе через политическую и конфликтную мобилизацию.

Свойства «устойчивой совокупности» [20] диаспора не может получить иначе, чем через процессы распространения (рассеяния) этноса, самоорганизации его локализованных групп через постепенное приобретение институциональной устойчивости и идентификации как единой общности. Поэтому сам факт наличия этнически идентичных групп за пределами исторической родины, в том числе в пространстве одного города, ни одним исследователем в качестве достаточного основания для определения диаспоры не принимается. Однако их наличие дает основание полагать, что диаспора при определенных условиях *может* сформироваться, а обладая свойствами изменчивости, *будет* эволюционировать, усваивая и трансформируя приобретенный опыт с помощью коллективной и индивидуальной памяти.

В этом отношении есть смысл говорить о диаспоризации как процессе.

Приобретение диаспоральных свойств находится в тесной связи с современными миграционными процессами и чувствительно к их изменчивости. Диаспоризация в качестве процесса обретения отношений как внутри диаспоры, так и за ее пределами, осуществляется через практики взаимодействия конвенционального и конфликтного характера в диаспоральных сообществах, влияя на характер идентичности внутри групп и гибкость границ «свой – чужой». Поэтому если в городе существует несколько этнических групп, образовавшихся в разное время и имеющих или не имеющих в своем «бекграунде» «диаспоральную» историю, можно говорить о разной степени диаспоризации, а также – о наличии «старых» и «новых» диаспор и диаспоральных сообществ.

Диаспоризация этнических сообществ в Новосибирске

Рассмотрим ситуацию подробнее на примере диаспоральных сообществ г. Новосибирска. Их реконструкция и анализ осуществлялись в ходе исследований межэтнических отношений

в городе, проводившихся в 2014–2016 гг. с помощью методов, позволяющих взглянуть на специфику процессов диаспоризации различных сообществ с позиций как их участников (лидеров, авторитетных членов сообщества, молодежи), горожан, проживающих на локальных территориях с высокой плотностью этнически разнообразного населения, так и экспертов – исследователей и практиков.

Исследования проводились в рамках двух проектов. Первый – «Межэтнические напряжения и конфликты в г. Новосибирске» (2014/2015), осуществляемый по заказу мэрии г. Новосибирска, включал семь фокус-групп с использованием метода масштабного социального картирования, с лидерами национально-культурных автономий и национальных организаций Средней Азии и Кавказа, проживающих в городе, а также представителями местных органов власти, структур, в чьи обязанности входят контроль за этносоциальной ситуацией на территории и работа с этническими группами и местным населением по вопросам межэтнических отношений. Второй проект – «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» (проект РГНФ (РФФИ) № 16–03–00144, рук. Ю.В. Попков). На первом этапе (2016), среди прочих задач, изучались этнические сообщества выходцев из Средней Азии и Кавказа. Анализ осуществлялся на материалах 25 ситуаций наблюдения, восьми индивидуальных интервью с лидерами диаспор, 22 интервью с молодежью, выходцами из республик Средней Азии и Кавказа, шести групповых интервью с использованием метода эскизного социального картирования с авторитетными представителями диаспор и местными жителями, проживающими в местах высокой концентрации представителей Средней Азии и Кавказа, 48 экспертных интервью.

Последующий анализ представляет собой обобщенную характеристику полученных в ходе исследования материалов.

Будучи крупным промышленным, научно-образовательным и торгово-логистическим центром регионального значения, Новосибирск (численность населения на 01.01.2017–1602915 чел.) привлекает мигрантов как своими возможностями, так и перспективами транзита в другие регионы. По данным Новосибирскстата, город имеет устойчивое положительное сальдо

миграции с 2006 г. В 2016 г. оно составило +15000 чел. Ежегодно город принимает внутренние миграционные потоки не только из своего и других регионов России, но и из-за рубежа. При этом доля прибывших из стран СНГ по отношению к другим миграционным группам все время увеличивается. Если в 2006 г. их доля составляла 11,8% от всего потока прибывших (всего – 16680, в том числе из стран СНГ – 1977), то в 2016 г. – уже 31% (прибыло 51896 чел., в том числе из стран СНГ – 16129 чел.) и лишь 18,6% из всех выбывших уехали обратно (36896, в том числе в страны СНГ – 6412 чел.)². Это позволяет предположить, что часть приехавших остается и пополняет уже имеющиеся этнические сообщества.

Обозначить их размеры сложно, поскольку в РФ отсутствует текущая статистическая информация об этническом составе граждан РФ и проживающих на территории города мигрантов. Поэтому крайними точками своеобразной шкалы разброса данных о числе лиц, составляющих этнические сообщества города, стали данные переписи населения 2010 г., в ходе которой жители Новосибирска могли добровольно указать свою этническую принадлежность, и сведения, предоставленные лидерами этнических общин и руководителями национально-культурных автономий в ходе интервью. Полученная из этих источников информация существенно различается (таблица).

Численность этнических сообществ в г. Новосибирске

Этническая принадлежность	По данным переписи населения 2010 г.	По мнению лидеров диаспоральных сообществ (примерное число проживающих на момент исследования – октябрь-ноябрь 2016 г.)	
		постоянно	временно
Езиды	2501	12000–13000	
Армяне	9806	40000	
Азербайджанцы	8008	70000	
Киргизы	6502		100 000
Узбеки	12655		100 000
Таджики	10054	15 000	20 000–30 000

² Новосибирскстат. Миграция населения г. Новосибирска. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/791c3300482fe811bfd0bfed3bc4492f/Миграция+населения+г.Новосибирска.pdf

Однако сами по себе размеры групп не определяют устойчивость этносообществ в городской среде и их диаспоральный потенциал. Значимый фактор – наличие у этнической группы практик диаспоризации. Сформулируем иначе: насколько устойчива и развита этническая диаспора, чтобы направленно или опосредованно оказывать влияние на процессы диаспоризации этнической группы в конкретном городе? В этом отношении к «старым» диаспорам можно отнести армянскую, езидскую, и, отчасти, азербайджанскую. Время существования первой, самой крупной в мире, насчитывает более семи веков, а точками отсчета историй курдско-езидской и азербайджанской диаспор можно считать начало XX века. В свою очередь, если исключить многовековое присутствие части киргизских, узбекских и таджикских общин на территориях соседних государств, периодическое «возвращение» и «исключение» части из них из состава своих национальных государств из-за принудительного изменения границ, то активные процессы рассеивания этих этнических групп далеко за пределы исторической родины начались с развалом СССР, последовавшими за ним экономическим кризисом, а в ряде постсоветских стран – открытыми военными конфликтами. Однако у каждого из указанных народов эти процессы имеют как общие черты, так и особенности. Опираясь на результаты проведенного исследования, рассмотрим характер диаспоризации этнических общин в г. Новосибирске по ряду оснований.

Степень гомогенизации (однородности) этнических групп. Все изучаемые этнические сообщества Новосибирска являются негомогенными. Присущая им неоднородность обусловлена рядом факторов.

Первый: характер идентичности. Этнические сообщества формируются или на основе микрорегиональных групп (регарские, гиссарские, кулябские таджики), или включают выходцев локальных этнических групп, расположенных за границами этноса, с отличиями в языке и менталитете. Иногда значимость общей региональной принадлежности может усиливаться, формируя тесные междиаспоральные связи (например, армяне и езиды из Армении).

Второй: экономическая специализация. Микрорегиональное деление может закрепляться за счет разделения сфер экономической активности в городе между группами – выходцами из разных

территорий страны исхода. *(Они поделились... на рынке... транспортом турсунадевские, регарские – они занимаются погрузкой, разгрузкой ...обувью занимаются гармские. Но, не дай Бог, если кто-то полезет из других.)* Это создает определенные диаспоральные регулятивы, но консервирует диаспоральные противоречия, сохраняя возможность внутрдиаспоральных конфликтов, препятствует формированию этнической идентичности.

Третий фактор: стабильность проживания. Высокий удельный вес в этническом сообществе временных мигрантов тормозит процессы диаспоризации. Временные трудовые мигранты имеются у всех исследуемых этнических групп, но у «новых» их удельный вес существенно выше.

Четвертый фактор: время проживания. Принадлежность к разным миграционным волнам способствует дифференциации качественного состава, в том числе и по степени интеграции, обуславливает сильную неоднородность в экономическом благосостоянии, служит, по мнению ряда информантов из новых диаспоральных сообществ, препятствием к развитию солидарности.

Все эти факторы содействуют иерархичности внутрдиаспоральных отношений, способствуют дифференциации функций диаспоры. Если в отношении низкодоходной, недавно приехавшей ее части – это содействие адаптации, материальная, информационная помощь и поддержка, то в отношении высокодоходной диаспоральной элиты, относительно гомогенизированной или состоящей из совокупности конкурирующих групп, – это защита и лоббирование интересов, интеграция в городские и региональные группы влияния.

Самоорганизация. Дифференциация внутри этнических сообществ усложняет, но не исключает процессы самоорганизации – важное условие диаспоризации. В «старых» диаспоральных сообществах в ее основании лежит культурно-нормативная система регуляции внутрдиаспоральных отношений, обладающая высоким мобилизационным потенциалом. Например, если требуется помощь и поддержка, диаспора езидов способна аккумулировать ресурсы 500–700 своих членов в течение двух-трех дней. Она дополняется наличием диаспоральных организационных структур: объединений, фондов, общин, часто организующихся вокруг культурных и религиозных центров. Например, в г. Новосибирске только при Армянской Апостольской Церкви Сурб Аствацацин

существуют молодёжная организация «МАНКУНК», хор «Алелук», школа армянских традиционных танцев «Берд» и даже футбольный клуб МРАВ.

Важным стартовым условием и фактором самоорганизации является помощь своим. Индивидуальные и групповые интервью показали, что далеко не всегда она носит безусловный характер. Диаспоральное сообщество или его отдельные группы оценивают, насколько индивид нуждается, достоин ли помощи. Существует тонкая и гибкая грань между безусловной помощью своему, как актом священным и неперменным, и ответственностью самого индивида за возникшие проблемы.

Однако складывающиеся институциональные структуры всегда есть результирующая не только процессов солидаризации, но и конкурентности, конфликтности во внутренних и междиаспоральных отношениях. Главные сцены разворачивающихся конфликтов: пересекающиеся зоны трудовой активности, рынки труда в ряде отраслей экономики, особенно торговле и строительстве, их раздел и контроль над ними. Дополнительные факторы конфликтности – межрелигиозные и межкультурные противоречия. Это обуславливает и преимущественно закрытый характер регулирования конфликтов, легитимацию неформальных практик, включая договоренности о взаимодействии, закреплении и переделе границ. Сегодня гарантами безопасности и достижения договоренностей для мусульман все чаще выступают авторитетные исламские религиозные лидеры – выходцы из этих диаспоральных групп. Такие конфликты сложно прогнозируются и контролируются со стороны местных органов власти. В зависимости от конъюнктуры и характера протекания они могут позиционироваться как бытовые, экономические (*«Это таксисты клиентов не поделили»*) и межэтнические.

Междиаспоральные отношения этнических групп в городе сегодня также иерархичны, как и внутридиаспоральные. В их основе лежит экономическое благополучие диаспор, особенности их интеграции в местные экономические и политические структуры. В этом плане кавказские диаспоры, по мнению экспертов-практиков, имеют более высокий статус, чем среднеазиатские. Но реальные границы хозяйственных и коммерческих отношений не всегда проходят по этническим границам групп. К примеру, в структуры торговли одной организации, идентифицируемой

местными как этнизированная, на самом деле часто входят представители разных этнических групп (организаторами и владельцами могут выступать азербайджанцы, поставщиками товара и продавцами – выходцы из разных этнических групп Средней Азии и русские).

Сложность налаживания внутри- и междиаспоральных отношений, отношений с местным населением и представительством интересов диаспоры в местных органах власти требуют от авторитетных ее представителей гибких способов формального и неформального лидерства. Интервью с лидерами общин и молодежью диаспор показали, что во всех диаспоральных общностях значима роль «известного человека». Если ты таковым являешься – должен помогать, не важно, являешься ли руководителем национально-культурной автономии, общественной организации или «просто» бизнесменом. В «новых» крупных диаспорах, где диаспоральные структуры еще слабо сформированы и часто носят множественный характер, более явно присутствует конкурентность за легальное лидерство. К примеру, в Новосибирске имеется пять зарегистрированных узбекских объединений с пересекающимися функциями и претензией на лидерство. Это усложняет процессы диаспоризации, делая этносообщество более многополярным, что понижает возможности диаспорального сообщества в диалоге с местными органами власти и общественностью.

Важным качеством лидера является и способность сохранить баланс между лояльностью исторической родине, как значимый фактор поддержания диаспоральной идентичности, и лояльностью стране проживания. Это требует осознания диаспорой и ее лидерами собственных, отличных от страны исхода, интересов.

Культурная дистанция. Демонстрируя фактическое различие во внешних признаках, поведении, культуре, образе жизни разных этнических общностей, культурная дистанция между местными и приезжими, между прибывшими представителями этнических групп влияет не только на стартовый потенциал, но и избираемые стратегии адаптации и интеграции, а также на способность и готовность принимающего общества адаптироваться к потокам мигрантов и принять их. Увеличение культурной дистанции, особенно при гомогенизации этнической группы, усиливает риск социальной изоляции и анклавизации.

И здесь наблюдаются две противоположные тенденции. Первая – значительное сокращение культурной дистанции между переселенцами первых миграционных волн, их детьми и внуками за счет достаточно высокого образовательного, профессионального, адаптивного потенциала и схожего «советского» менталитета. Вторая тенденция – углубление культурной дистанции между местным населением и новыми потоками мигрантов из Средней Азии и, отчасти, с Кавказа. Но если культурная дистанция с выходцами из кавказских стран лишь несколько увеличивается за счет усиливающихся различий между народами, проживающими в разных государствах с самостоятельной политикой и национальными приоритетами при относительном сохранении знания русского языка, то в отношении приезжих из Средней Азии ситуация выглядит сложнее.

Новые приезжие чаще всего являются выходцами с территорий с сельским образом жизни, с архаизированными за последние десятилетия социальными отношениями. Они имеют низкий социальный статус на родине, недостаточный образовательный ценз, слабое знание русского языка или его отсутствие. Из-за кризиса общественных отношений в странах Средней Азии они по приезде легко меняют стиль поведения на более маргинальный, а молодежь выходит из-под контроля старших. Актуализируется фактор родовой и территориальной принадлежности. Такое распределение обеспечивает постоянный приток мигрантов из одного и того же поселения/сообщества за счет так называемой кумулятивной обусловленности (причинности) миграции, свойственной патриархальному обществу [23; 24], и делает миграцию менее селективной.

«Старые» и «новые»: динамика отношений

«Старым» диаспоральным общностям сегодня свойственны большая открытость, широта социальных связей. Их культурная дистанция с местным населением не столь значительна. Исследования показали, что, исключая отдельные случаи, они не воспринимаются местным населением Новосибирска как фактор угрозы безопасности. «Старым» диаспорам не свойственна анклавизация, хотя клановое расселение как стратегия присутствует у езидов. Как народ без поддержки страны исхода,

они сильнее заинтересованы в сохранении этнической культуры и идентичности.

Границы внутридиаспоральных отношений в «старых» диаспорах более прозрачные и строятся не только по основаниям этничности, но и землячества. Состав диаспор более стабилен, люди имеют длительную историю проживания в городе. В руководстве диаспорой силен патерналистский, педагогический дискурс: *«Мы их воспитываем»*. Здесь ценится поддержание баланса в комплиментарности титульному этносу, стране исхода, стране и месту проживания. Инструментами поддержания идентичности выступают этнокультурный дискурс, регулярность участия в местных событиях и объединениях, поддержание связей с исторической родиной, в том числе через ее посещение. Лучше, чем в «новых» диаспоральных группах, налажены механизмы легального урегулирования конфликтов, лоббирования интересов сообщества и его членов в органах местной власти, в том числе за счет высокой правовой компетентности участников переговоров. Это отмечают и эксперты, работающие в муниципальной структурах.

«Старые» диаспоры более интегрированы в экономические отношения города (*«все работают, зарабатывают... не ходят, не кланчат»*), имеют больше накопленных экономических ресурсов, а потому сильнее зависят от коррумпированности или неэффективности действий органов власти, сохраняют вовлеченность и в неформальные практики. Как субъекты хозяйственных отношений в городской среде они более ориентированы на структуры власти, рассматривая их как гарантов безопасности и успешности. Поэтому национально-культурные автономии и общественные объединения для «старых» диаспор чаще выступают инструментом присутствия и лоббирования (*«чтобы защитить себя, чтобы быть рядом с властью»*). Отчасти через посредничество «старых» диаспор происходит и включение «новых» диаспор в экономические отношения города. Таким образом «старые» диаспоральные группы превращаются в значимых игроков на политической арене города.

Эти ориентиры наблюдаются и при описании жизненных стратегий активной молодежью. Конструирование диаспорального дискурса, этнокультурная и кризисная мобилизация – прерогатива средней и старшей диаспоральных групп, задача которых

при возникновении молодежных конфликтов – стабилизация ситуации, прекращение конфронтации. В свою очередь достижение прочного статуса и связей в органах власти, городском сообществе, городской элите для представителей молодежи – планируемый «длинный» и одобряемый диаспоральным сообществом проект. Поэтому значимая позиция в органах власти, связи в отдельных ее структурах, компетентность и опыт удачного разрешения конфликтов (*уметь решать дела...*) открывают им перспективы достижения высокого статуса и в диаспоре.

«Новые» диспоральные общности в отличие от «старых» только формируются, и их участники скорее ориентированы на освоение городской среды, чем интеграцию в городское общество. Они более чувствительны к проблемам безопасности и выше, чем представители «старых» диаспор, оценивают уровень напряженности в городской среде.

Если город для молодого человека из «старой» диаспоры – это общественное пространство, в котором он – его часть, и ролевые отношения с городом осознаются как многоплановые, а этничность – это только фрагмент ролевого набора, то в «новых» диаспорах эти отношения носят часто сервисный, обслуживающий характер. Наглядно это видно на примере территориального распространения этнических групп, рассеивания в городской среде. Для представителей «новых» диаспор «отношения» с городом функциональные: город – это работа, жилье, а для части – еще и образование. Поэтому сложность и многоплановость возможностей, которые открывает город, остаются невостребованными. Молодежи это свойственно в меньшей степени, поскольку само присутствие в городе, по их мнению, *«меняет мировоззрение»*.

Однако самые важные требования к городскому пространству для перебравшихся на постоянное жительство – это возможность трудоустройства и безопасность. Поэтому критериями выбора места жительства выступают отношение местного населения, степень криминогенности среды. Как и для местных жителей, для многих семей, приезжающих из Средней Азии, важна доступность школьного образования. Анализ эскизных карт места проживания, составленных в ходе фокус-групп авторитетными представителями диаспоральных сообществ, показали, что для киргизов ценность школ так велика, что составляет якорную

основу их жизненного пространства. А для представителей «старой» диаспоры – езидов, проживающих здесь более двадцати лет, ценность школы, стабильность работы – это освоенный ресурс. Поэтому их карты отражают интерес к дополнительным ресурсам, важным для горожанина, – стадионам. Заметим, что ценность спорта как социального лифта для получения высокого статуса в российской действительности отмечалась представителями всех изучаемых этнических групп, но не все указывали на спортивные объекты как значимую часть освоенного пространства.

В «новых», больших по размерам диаспорах, процессы самоорганизации только набирают силу. Для входящих в «новые» этнические общности значимость приобретает возможность получения от диаспоральных структур срочной помощи в случае, когда родственные и дружеские связи не срабатывают.

Нарастающая тенденция последних лет – актуализация религиозной идентичности, несколько усиливающая связи выходцев из Средней Азии и Кавказа. В меньшей степени эти интеграционные процессы коснулись мусульман – коренных жителей Сибири (сибирских татар и казахов, исторически проживающих в Новосибирской области). Как и в других крупных городах, в том числе в Москве [25], для трудовых мигрантов и прибывающих на постоянное место жительства в Новосибирск большое значение приобретает появление «своих» объектов: мечетей, культурных центров, магазинов халяльных продуктов. Однако процессы складывания публичной этно- и религиозной инфраструктуры в Новосибирске идут медленно, в том числе из-за усиливающегося сопротивления жителей ряда «спальных» микрорайонов, опасющихся высокой концентрации выходцев из Средней Азии.

Исключая массовые кризисные ситуации, требующие вмешательства «аксакалов», поколенные связи чаще ограничиваются близким социальным окружением, потому диаспоральная активность молодежи новых диаспор – это чаще короткий проект. Он направлен не столько на завоевание прочных позиций в широком диаспоральном и городском сообществе, на легальный доступ к власти, сколько на решение текущих экономических или социальных проблем, поддержание авторитета в кругу, близком по родовым, земляческим и поколенным характеристикам,

Однако активизация механизмов активного вовлечения молодежи в городские события, предложение ценных для молодежи – выходцев из Средней Азии – социальных услуг в области спорта и образования, позволяет прорвать относительно монолитность этнического контекста повседневной жизни молодежи новых диаспор в городской среде, актуализировать внеэтнические компоненты идентификации «свой» – «другой» по территориальному, социальному, субкультурному признакам. Важно, что этому способствуют как практики сотрудничества, так и конфликтности во внедиаспоральной, внеэтнической среде, способствуя включению молодежи в новые социальные сообщества и отношения. И ключевая роль здесь, безусловно, принадлежит школе.

Таким образом, город как пространство жизни в разной степени освоен «старыми» и «новыми» диаспоральными сообществами. Но есть ключевые отличия в этом процессе. Так, если для «старых» диаспоральных групп сегодня чаще *значим фактор отношений, интеграции в городское сообщество, политическую и экономическую элиту*, то для «новых» диаспоральных сообществ более актуальной является *интеграция в городскую среду*. Это позволяет предположить наличие определенной последовательности в адаптационных и интеграционных процессах в социально-территориальной среде.

Литература

1. Лошкарев И. Д. Роль диаспор в современной мировой политике // Международные отношения и мировая политика.– 2014.– № 5.– С. 120–126.
2. Полоскова Т. В. Современные диаспоры: внутривнутриполитические и международные проблемы.– М., Научная книга, 1999.– 108 с.
3. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры.– М., 2003.– № 1.– С. 162–184.
4. Esman M. J. Diasporas in the contemporary world.– Cambridge: Polity Press, 2009.– 210 p.
5. Risse Th. Transnational actors and world politics // Handbook of International Relations / Ed. W. Carlsnaes, T. Risse and B. Simmons.– London: Sage, 2002.– P. 251–286.
6. Cohen R. Diasporas and the Nation-State: from victims to challengers // International Affairs.– 1992.– № 72 (3).– P. 507–520.
7. Малахов В. С. Этничность в Большом городе // Неприкосновенный запас.– 2007.– № 1 (51) [Эл. ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/ma19-pr.html>

8. *Дмитриев А. В.* Менталитет диаспор: социологические абстракты // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сборник статей / колл. авт.; под ред. чл.-кор. РАН, проф. А. В. Дмитриева.– М.: РУСАЙНС, 2016.– С. 7–17.
9. *Брубейкер Р.* Этничность без групп/ Пер. с англ. И. Борисовой.– М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.– 408 с.
10. *Пешкова В. М.* Особенности диаспоральных коммуникаций в современной России // Власть.– 2013.– № 10.– С. 74–78.
11. *Кондратьева Т. С.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. [Эл. ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolyucija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm
12. *Левин З. И.* Менталитет диаспоры – М.: Институт востоковедения РАН; Изд-во «Крафт+», 2001.– 176 с.
13. *Мурзагалеев Р. И., Сулейманов А. Р., Чекрыжов А. В., Мурзагалеев Б. Р.* Диаспоры из Центральной Азии в региональном пространстве Российской Федерации: культурно-гуманитарные аспекты.– Уфа: ООО «Издательство «Диалог», 2016.– 164 с.
14. *Пешкова В. М.* Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.– 2017.– № 1.– С. 61–79.
15. *Brah A.* Cartographies of diaspora: contesting identities.– London, 1996.– 276 p.
16. *Пустарнакова А. А.* Репрезентация этнических других в городском пространстве [Эл. ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/representatsiya-etnicheskikh-drugikh-v-gorodskom-prostranstve>
17. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. / Под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле.– М.: ИРИ РАН.– 2001.– 329 с.
18. *Попков В. Д.* Феномен этнических диаспор.– М.: ИС РАН, 2003.– 340 с.
19. *Лурье С. В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы.– М.: Академический Проект, Деловая книга. 2005.– 624 с.
20. *Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования.–1996.– № 12.– С. 33–42.
21. *Sheth A.* Little India, next exit: ethnic destinations in the city // Ethnography.– Vol. 11.– № 1. (March 2010).– P. 69–88.
22. *Дятлов В. И.* Миграции, мигранты «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе. 2005 [Эл. ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2634>.
23. *Massey D. S., Bartley K.* The changing legal distribution of immigrants: A caution // International Migration Review.– 2005.– Vol. 39.– P. 469–484.
24. *Glick J. E.* Connecting complex processes: A decade of research on immigrant families // Journal of Marriage and Family. – 2010. – Vol. 72.– № 3 (June).– P. 498–515.
25. *Пешкова В. М.* Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России.– 2015.– № 2.– С. 129–151.